

Юнь Чэ и в страшном сне не мог представить, что его будут так деликатно просить не пытаться «оседлать» больного...

И этот совет ему дала его «свекровь».

Да что за бред?

Мало того что он вовсе не гей.

Даже если бы и был, он наверняка вылечился бы с помощью средств традиционной китайской медицины.

Как можно покуситься на мужчину, лежащего на больничной койке?

Просто абсурд.

Однако больше всего Юнь Чэ сейчас беспокоила красная фата. Если ее снять, велика вероятность, что семья Лу обнаружит обман. С голосом разобраться проще — достаточно прижать кадык и говорить тише.

Возможно, услышав голос матери, лежащий на кровати Лу Мин склонил голову и невнятно пробормотал:

— Уборная...

Юнь Чэ весь день маковой росинки во рту не держал, нужды в этом не испытывал, а вот Лу Мин с утра выпил рисовой каши и терпел уже битый час, просто не смея заговорить с новой женой.

Мать Лу, услышав это, посмотрела на невестку, которая, словно привидение, была укрыта красной фатой.

Юнь Чэ, скрытый под тканью, не видел ее взгляда, лишь размышлял: не покажется ли им, что у него слишком много сил, если он потащит пятого сына в уборную?

— Иди возьми ведро! Чего столбом стоишь? — голос матери Лу, много лет прожившей в роли свекрови, был полон неприязни. Она уже добрую минуту твердила снять фату, а эта «хорошая невестка» пропускала все мимо ушей.

И правда, замуж идти не хотела, как и ее непутевые родители — вечно витают в облаках.

— Э-э... где судно? — спросил Юнь Чэ.

В ответ получил лишь язвительное:

— У меня в руках.

— Невестка, я провожу тебя, — видя, что ситуация накаляется, Лу Хуэй потянула Юнь Чэ за рукав, вытащила за дверь и отвела к уборной.

Там стояло несколько деревянных ведер. Казалось, ими давно не пользовались, лишь одно выглядело чистым.

— Невестка, чего ты фату до сих пор не сняла?

Лу Хуэй собиралась объяснить, где брать ведро после использования, как его мыть и куда ставить, но, обернувшись, увидела, что пятая тетюшка до сих пор придерживает красную ткань рукой.

Как же ее научить? Но если не научить, бабушка точно будет ругать пятую тетюшку.

Юнь Чэ, помедлив, в конце концов сам приподнял фату.

Рано или поздно все равно придется — была не была. В крайнем случае, отработает на них пару лет, чтобы вернуть деньги, потраченные на свадьбу.

— Тетюшка, вы такая красивая! — Лу Хуэй, не особо разглядывая лицо, выпалила комплимент, подхватила судно и повернула обратно в комнату пятого дяди.

По пути она показывала на колодец, объясняя, как сполоснуть ведро, чтобы оно было готово к следующему разу. Сама она тоже устала за день, и живот уже ворчал от голода. Ей хотелось поскорее закончить с этим и вернуться в главную комнату ужинать.

Юнь Чэ кое-как запомнил инструкции и, увидев, как она поставила судно у кровати, растерялся.

— Ухаживай за своим мужем, мне что, тебя учить надо? — мать Лу долго сверлила взглядом лицо Юнь Чэ, остановившись на его груди, и раздраженно скомандовала: — Сначала спусти ноги, помоги ему сесть на ведро, потом сними штаны. У него сейчас руки-ноги слабые, не двигаются, да и глаза ничего не видят. Поухаживай как следует, когда он поправится, еще успеет тебя отблагодарить.

Она продолжала ворчать, кормя невестку обещаниями, как и старшая жена сына до нее.

Увидев, что та собирается развязать пояс, мать Лу развернулась и ушла.

Сын вырос — матери пора в сторону. Даже если он болен, есть другие сыновья и старик, не ей же ухаживать за взрослым мужчиной.

Лу Хуэй радостно побежала вслед за бабушкой в главную комнату ужинать.

Юнь Чэ неуклюже расстегнул одежду Лу Лаоу и придержал его тело, чтобы тот не упал.

Лу Мин, скрытый повязкой на глазах, стиснул зубы, сдерживая стыд, и вскоре раздался характерный звук.

Юнь Чэ с удивлением заметил, что мочки ушей у мужчины покраснели, а на лице проступил румянец.

— Ничего страшного, все когда-нибудь болеют, это нормально, — возможно, из чувства солидарности, вспомнив свою прошлую жизнь, он мягко утешил его, полами одежды аккуратно обтер мужчину и помог ему одеться.

С этим проблем не возникло, а вот уложить его обратно на кровать оказалось сложнее.

Юнь Чэ, неожиданно получив здоровое тело, переоценил свои силы.

Бух!

Раздался глухой стук.

Лу Мин почувствовал резкую боль в затылке и нахмурился.

— Прости, прости, я не нарочно!

Юнь Чэ с чувством вины забрался на кровать и, поправив тело своего «мужа», наконец уложил его как надо.

Затем, следуя наставлениям девчонки, он отнес ведро к уборной, вылил содержимое, сполоснул водой, оставил сушиться, вымыл руки и поспешил обратно ужинать.

Он был чертовски голоден!

Опустив голову, чтобы не встречаться глазами с людьми в главной комнате, Юнь Чэ быстро проскользнул в свою комнату и тихо закрыл дверь.

Еда, еда, он сейчас умрет от голода!

Юнь Чэ, при свете из окна, схватил миску каши и сделал глоток, едва не выплюнув все обратно.

Что за черт, почему она с шелухой? И кажется, там песок?

Проглотив кое-как, Юнь Чэ нахмурился и вытащил из зубов прозрачную оболочку зерна.

Ну ладно!

У бедняков такие условия!

Он вспомнил, что ел в доме своего прежнего тела, и отбросил мысли о том, что семья Лу специально пытается его ущемить.

Хорошо, что хоть немного мяса осталось.

Пусть баранина, отваренная в соленой воде с какими-то травами, не отличалась изысканным вкусом, но голодный человек не привередничает.

Юнь Чэ, будучи еще молодым парнем, смирился с реальностью и начал обдумывать планы на будущее.

А сейчас, когда появилась еда, он принялся за нее с удвоенной силой.

Миска каши исчезла мгновенно, он не наелся и взялся за вторую.

Когда обе миски и мясо были съедены, посуда осталась пустой и чистой.

Юнь Чэ с удовлетворением икнул.

Невкусно, зато сытно.

Он выглянул в главную комнату: там, похоже, еще не закончили есть, изредка слышались детские крики — кто-то пытался выпросить еще кусочек, но быстро утихал.

— Раз еду принесли, посуду помою сам, — подумал Юнь Чэ. Раз уж ни та девчонка, ни злая свекровь не догадались, что он мужчина, он стал смелее.

Схватив миски, он, как вор, прокрасился к колодцу у сарая, вымыл посуду и собрался отнести ее на кухню.

Хм?

Почему палочек две пары?

Юнь Чэ прищурился и посмотрел на свою комнату, где наклеенный иероглиф «Счастье» словно скалился, насмехаясь над ним за то, что он съел все в одиночку.

А лежащий на кровати Лу Мин, услышав, что жена ушла с посудой, погрузился в темноту.

Нет, темнота была там и так.

У него просто искры из глаз летели... от голода.

Но он ничего не мог поделать. После того как он выпил чашу яда, преподнесенную генералу, он стал не лучше калеки.

Даже поесть самостоятельно не мог.

Двести лямов серебра, данных в знак благодарности за спасение, после всех вычетов превратились в сто.

Из них двадцать он отдал слугам генеральского поместья, которые сопровождали его домой, осталось восемьдесят.

Врачи, лекарства, хозяйство, свадьба...

Он не знал, сколько у него осталось денег, но знал одно: родители и братья уже начали терять терпение.

Даже самые близкие люди не могут вечно ухаживать за беспомощным калекой.

Живот Лу Мина громко заурчал.

Юнь Чэ, только войдя в комнату, услышал этот звук.

Он хотел было посоветовать потерпеть до утра, но теперь язык не поворачивался.

Человек так проголодался, а он предлагает ему терпеть? Разве так поступают люди?

— Послушай, я пойду спрошу у твоих родителей, не осталось ли еще еды. Я просто слишком быстро ел и забыл про тебя.

Сказав это, Юнь Чэ развернулся и вышел.

Говорят, в первые три дня после свадьбы невестке дозволено все.

Раз он теперь «невестка», то за лишнюю миску каши его должны простить.

<http://bllate.org/book/20794/2089270>